

А. М. ШАБАНОВА

НАЕМНЫЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В XVII в. (По материалам Обонежья)

Историками накоплен большой материал о распространении найма в России в XVII в. Однако дискуссия относительно оценок этого явления продолжается¹. Причины разногласий коренятся в недостаточной изученности ключевых сторон социально-экономического развития России XVII ст. Отсюда — важность сбора, осмысления и обобщения фактического материала, без чего невозможно продвижение в изучении проблемы. Документы из фондов крупных монастырей Обонежья — Александро-Свирского и Тихвинского: хозяйственные книги, актовый материал являются ценными источниками, раскрывающими масштабы ремесленного и земледельческого найма в крае XVII ст.² В делопроизводстве Александро-Свирского монастыря сведения о найме зафиксированы с большей тщательностью и систематичностью в силу чего мы сочли предпочтительным базироваться на данных этого архивного фонда. На Северо-Западе России для развития найма условия были весьма благоприятными. Непогодные земли, суровый климат, низкие урожаи заставляли издавна крестьян искать дополнительные источники существования. Природные условия края открывали для этого большие возможности. К началу XVII в. отход на заработки — ремесленные, земледельческие стал обычным явлением для северного крестьянина. В первой половине XVII в. в вотчинных хозяйствах монастырей труд наймитов в сельском хозяйстве получил заметное распространение. В Александро-Свирском монастыре это было обусловлено и спецификой формирования вотчины. Земли вотчин монастырь получил в конце XVI в. из «государевых пустых» земель Пиркинского погоста. При Василии Шуйском в 1606 г. они были отобраны и вновь возвращены в 1616 г. с новыми дачами в том же Пиркинском погосте. Однако еще и в 1618 г. крестьяне отданного в монастырь погоста продолжали выполнять повинности вместе с государственными крестьянами и лишь писцовые книги

1620 гг. окончательно закрепили их за монастырем. Поэтому монастырь с момента своего возникновения в начале XVI в. использовал в хозяйстве труд монахов (в конце XVI — начале XVII вв. их было 80 чел.), но основной объем по обработке монастырской пашни выполняли наемные люди, трудники и детеныши³. Получив же змели в вотчину, монастырь до начала 50-х гг. XVII в. продолжал сохранять формы эксплуатации крестьян продуктами и деньгами, сложившиеся в пору, когда крестьяне числились за государем. Что же помещало феодалу-вотчиннику возложить на крестьян бремя изделья и барщины? Причину нужно искать в тяжелом экономическом состоянии района и его населения в первой половине XVII в. Введение барщины могло ухудшить положение монастырских крестьян, разоренных войной и интервентами. И хотя сам монастырь был сожжен в 1613—1614 гг. и экономически подорван — власти не пошли на увеличение бремени повинности крестьян. Немаловажную роль сыграло и опасение усилить недовольство крестьян. Еще свежи были события крестьянской войны да и народные выступления в стране не утихали. В приходо-расходных книгах первой половины XVII в. отсутствуют сведения об использовании александровских крестьян на барщине. Зато в изобилии представлен материал о найме. Ежегодно для обработки монастырских пашен и сенокосов власти прибегали к труду наймитов. Старцам монастырских сел систематически раздавались из казны деньги «на наем», «на страду», «наймитам найму давать»⁴. Работа на полях начиналась ранней весной. В апреле—мае возили и расстилали навоз на поля, пахали, бороновали и засевали яровую пашню. А апреле—мае 1628 г. старец Кондушского села несколько раз брал в казне монастыря деньги «на весеннюю страду». Их общая сумма составила 4 руб. с полтиной⁵. Трудились как отдельные наймиты, так и артели, достигавшие 12—16 человек. Летом объем работ возрастал и возрастало число наймитов. И в июне начиналась косьба сена, посадка капусты, прополка гороха, репы, редьки; ухода требовала озимая пашня — и ее вновь унавоживали, пропахивали, бороновали. Летом велась расчистка подсок и т. д. Так, 27 июня 1619 г. было выплачено поденным и понедельным наймитам за вывоз навоза его расстилку, прополку посевов гороха и «прятание пала» 1 руб. 8 алт. 2 д.; 24 июня 1620 г. за те же работы — 21 алт. 2 д., а 29 июня 1626 г. за два месяца аналогичных работ и за вспашку, боронование «паренницы» — 5 руб. 6 алт. В июне 1628 г. артель

из 16 человек в течение месяца заработала 4 руб. 14 алт.⁶. Самая горячая пора приходилась на июль—август, когда шла прополка овощных культур, уход за посевами льна и конопля, в разгаре была сенокосная пора, а в конце июля — начале августа начиналась жатва яровых и посев озимых хлебов⁷. В Александро-Свирской вотчине с каждым годом расширялась площадь монастырских пашен и сенокосов, что приводило к возрастанию потребностей в наемной рабочей силе. Если в 1618 г. на жатве и сенокосе монастырь истратил на выплату наймитов 6 руб., то в следующем году уже — 29 руб., а в 1620 г.— 37 руб., в 1626 г. 53 руб. Основную массу наймитов составляли крестьяне монастырской вотчины и крестьяне окрестных деревень Присвирья, населенных государственным, митрополичьими и помещичьими крестьянами. Были пришельцы и из отдаленных районов Обонежья, новгородских пятин, Каргополья, Белоозера. Одни занимались по-дневно и понедельно, другие — на сезон. Некоторые трудились несколько лет подряд. Так, Ларка Орнецкий в течение пяти лет с 1625 г. летом и осенью работал в монастыре; Павел Каргополец — с 1625 по 1627 гг.— круглый год (весной и летом — на поле, осенью и зимой — на молотье); Ивашка Хмелезерец из Тервинского погоста Обонежской пятины первый раз пришел в 1619 г. «мальцом» и в течение четырех последующих лет занимался на летних работах. Широко использовался детский и женский труд на возке и расстилке павоза в полях, прополке посевов, уборке урожая, сгребании сена, на скотных дворах, а мальчиков еще и на пахоте, молотье, пастьбе скота и т. д. Оплата производилась в зависимости от вида работы, срока найма и была «поденной», «понедельной», «годовой», за весь период «летнего найма», «за сенокос», «за жатву», «за орбу», «за сечение суков», «молотьебу» и т. д. Подсчеты показали, что в первые десятилетия XVII в. оплата основных видов земледельческих работ мало различалась, составляя в среднем немногим более 1 коп. в день 1 работнику. И лишь на молотье 0,5—0,8 коп. в день 1 работнику. Таким образом, за 6 месяцев весенне-летних работ с апреля по сентябрь наймит мог получить от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. Работа наймитов, монастырских трудников и детенышей оплачивалась одинаково. Дети — «робята», «мальцы» за свой труд получали наравне со взрослыми⁸.

К середине XVII в. в вотчине Александро-Свирского монастыря были введены барщина и издолье. В связи с этим в 50-е гг. количество сельскохозяйственных наймитов несколь-

ко сократилось. Но уже с конца 50-х гг. и на протяжении последующих десятилетий их число возрастает. Расширявшееся монастырское хозяйство предъявляло спрос на рабочую силу. В летний период крестьяне от мала до велика сверх барщины трудились по найму. В привлечении на работы заметно сочетание принудительных и вольных видов труда. Крестьяне отработывали денежные долги, за взятые из монастыря скот, зерно и т. д. Крестьянские кабалы пестрят заметками о возврате долгов работой в монастырском хозяйстве — в том числе на полях, сенокосах, скотных дворах и т. д. Власти монастыря часто выплачивали за своих крепостных государственные илатели. Деньги, «распушенные» затем по крестьянским дворам, также возвращались работой в феодальном хозяйстве. Нередко выплата долга и вольный наем оказывались нерасчлененными: часть работы выполнялась «за долг», другая — «за деньги». Так, Антошка Кондушанин с измальства на протяжении 20-ти лет нанимался в монастырь: несколько лет на лето, в остальные годы — на лето и зиму. В июне 1684 г. он заработал «на кабалу» 69 коп. и «за рубные деньги» 42 коп.— возил кирпич, камень, рубил в лесу дрова и доставлял их на монастырский двор. Этим же летом поселский старец уплатил ему «деньгами» 1 руб. 50 коп. за труды в монастырском Кондушском селе⁹. Наем «за деньги» предполагал предварительную договоренность с администрацией о размере оплаты, а в расходных и записных книгах отмечалось, что расчет произведен в соответствии с «договором». Кабальный наем часто становился источником злоупотреблений со стороны властей. Учет выплат осуществлялся администрацией путем занесения сумм «в Записные тетради» с последующим перенесением их в крестьянские Кабалы. При этом нередко заработанная сумма занижалась, а иногда и вовсе не записывалась. Поэтому сплошь и рядом крестьяне уплачивали работой суммы гораздо больше чем взятый долг. Злоупотребления старцев вызывали протест населения, который находит отражение в челобитных, подобных той, которую в 1677 г. подал архимандриту крестьянин Лоянской волости Семен Дементьев. Он взял в долг в монастыре лошадь ценой 5 руб. 25 алт. Часть стоимости сразу внес, а 2 руб. были записаны ему «на кабалу». Эти деньги отработывал его сын в «полетних наймах» в Лоянском селе, «а найма было приговорено 2 рубли». Однако по окончании работ поселский старец записал в кабалу всего 1 руб. 31 алт. 1 д. и «кабалу не порушил». Крестьянину это стало из-

вестно лишь когда с него стали взыскивать 2 алт. за якобы невозвращенный долг¹⁰. Переплетение принудительного и вольного найма в XVII ст. нашло отражение и терминологии, употреблявшейся монастырской администрацией в приходе-расходных и записных книгах. «Наймитами» именовали как те, кто панимался вольно «за деньги», так и тех, кто отработывал долги. Работы, выполнявшиеся крепостными сверх тягла «за деньги», также можно квалифицировать как вольный наем, хотя и во второй половине XVII в. он мог быть не вполне свободным от элементов принуждения. Испытывая недостаток в рабочей силе, монастырь мог в приказном порядке мобилизовать своих крестьян сверх тягла на летнюю страду за специальную плату. Как и в первой половине XVII в. в наймитах трудились вотчинные крестьяне и пришлые. По сравнению с первой половиной столетия большее распространение получила артельная форма организации труда. Артели «товарищей» возглавляли наиболее предприимчивые наймиты. Большой объем сельскохозяйственных работ выполняли женщины и дети. Имена и прозвища некоторых женщин, возглавлявших артели, встречаются в источниках на протяжении нескольких, а иногда и многих лет. Такова Евфимья Шалгачиха из д. Поневичи Кондушской волости, которая с 1656 г. и до конца 70-х гг. приводила группу крестьянок летом на обработку монастырских полей, осенью и зимой на чистку кудели, резку репы, капусты и т. д. В 1656—1657 гг. в ее артели было 4 человека. В конце августа — начале сентября 1656 г. крестьянки волочили коноблю, за что каждая получила по 3 алт., в сентябре за 8 дней на резке репы — по 2 алт. 4 д., в октябре за двухнедельную чистку кудели по 4 алт. 3 д. В итоге осенний заработок каждой составил 10 алт. 1 д.¹¹ В 1660 г. в артели стало 5 человек. В августе 1660 г. они две недели были на жатве, получив 23 алт. 2 д., в ноябре чистили кудель. К лету с 1661 г. артель Евфимьи Шалгачихи насчитывала 9 кондушских и карельских женщин, а в августе вместе с детьми насчитывала 20 человек. В июле 1661 г. они «прятали пал», разбивали навоз на «парение», пололи репу и редьку, а в августе сгребали сено на Пристань, а дети свозили его в кучи¹². В 80-е гг. XVII ст. в монастыре на сельскохозяйственных работах в период страды трудилось не менее десяти женских артелей. Кроме Евфимьи Шалгачихи, среди предприимчивых женщин, сколотивших артели, можно назвать Анну Старицкую, Кондушанок Варюху, Струхину, Аленку Ермачиху, Алеську Золотуху и др.¹³ Пока-

зательно, что Аленка Ермачиха в сентябре 1681 г. купила в монастыре бычью тушу, вероятно, чтобы кормить 16 человек своей артели. В июле—августе ее артель 30 дней «до отстав» вела уборку сена на Кукаских пожнях¹⁴. Женщины вносили ощутимый вклад в бюджет своих семей. На полевых работах в летний сезон во второй половине XVII в. наймит мог заработать около 2—3 руб. На протяжении второй половины XVII в. возрастал приток наймитов в монастырскую вотчину. Основную их массу, как и прежде, давало Заонежье, населенное преимущественно государственными крестьянами, особенно район Олонца. С юга Обонежья и из новгородских пятин прибывал крепостной люд. Во второй половине XVII в. расширилась география их отходничества. Записи приходо-расходных книг сообщают о наймитах из Соловков, Холмогор, Кемь, Мезени, Каргополя, Белоозера, Вологды, Устюжны, Великих Лук и даже Москвы, Можайска, Суздаля, Ярославля. Сроки найма оставались прежними. Увеличилось число наймитов, приходивших на сезонные заработки несколько лет подряд: Василий Иванов с Валдая — с 1679 по 1682 г., Кирилл и Тимофей Макенмовы из Тихвина — с 1682—1685 г., шуяне Иван Кириллов и Иван Гаврилов — с 1681—1683 г., с Сумского острога Григорий Федоров — с 1686—1687 г., с Сунженского рядка из-под Новгорода Федор Кириллов — с 1683—1686 г., с Капши Алексей Антонов с 1681—1685 г., а толвуянин Иван Семенов — с перерывами с 1668 по 1687 и др. Попытка подсчета общего числа наймитов, трудившихся в монастыре на сельскохозяйственных работах, в этот период, столь же сложна, как и для первой половины столетия. Приходо-расходные записные книги не всегда фиксировали количество наймитов, занятых на разных работах, часто заменяя их суммами денежных выплат. В 60-е годы на сенокосе гребцам монастырь расходовал в среднем по 30 руб., в сезон, а в 80-е годы — 37 руб. Известно, что гребцам за 1 день работы платил в 60-е годы 1—1,5 д., а в 80-е годы 3—4 д. В 1660 г. на двух монастырских пожнях на «мху» и в Кондушках в течение двух недель июля гребли сено 42 корелки и кондушанки. В августе 1661 г. только на одном из сенокосов было занято 20 крестьянок с детьми во главе с Евфимьей Шалгачихой¹⁵. Наиболее полные сведения о наемных гребцах приводятся в расходной книге 1680 г. Тогда на трех пожнях в Лоянском селе, на Кукасе и на Пристапи было занято 94 наймита¹⁶. В августе следующего года на Кукаском покосе монастырский старец раз-

давал деньги 36 наймитам: «старнице Марфе Лоянской да Овдотье, да Оксинье, да Матрене, да Марье, да Олене с товарищи» — 16 человекам за 30 дней «до отставка»; 17 работникам, из которых 10 трудился по 30 или 31 день, двум косцам — москвичу и нижегородцу за 4 дня¹⁷. Таким образом, если на нескольких пожнях в 1680 г. было до сотни наймитов, а в 1681 г. на одной Кукаской пожне 36, то на всех монастырских сенокосных угодьях (а их в 80-х гг. было около 10-ти) должно было ежегодно работать не менее 150 человек*. Число наймитов на паровых полях в 80-е годы, по данным расходных книг, достигало 60 человек. Так, в мае—июле 1686 г. 59 наймитов — олончан разгребали навоз, «копали в полях ручьи», пахали. Среди них были Нефедка Титов «с товарищи» — 15 человек; Максимка Евсеев и Самсонка Максимов «с товарищи» — 25 человек да 19 олонецких стрельцов во главе с Тимошкой Тирком¹⁸. Приведенные данные позволяют заключить, что по скромным подсчетам общее количество вольных наймитов в монастырском земледельческом хозяйстве второй половины XVII в. в весенне-осенний период апреля—сентября могло достигать несколько сот человек.

Наемный труд был распространен не только в сельском хозяйстве феодалов, его использовали и крестьяне. Убедительный материал на этот счет приводит А. А. Преображенский¹⁹. Сведения, которыми мы располагаем, отрывочны, извлечены из документов, сохранивших их благодаря случайным обстоятельствам. С помощью наймитов в крестьянских хозяйствах обрабатывались внаемные пашни и сенокосы. Так, в августе 1653 г. крепостные Тихвинского девичьего монастыря Артюшка и Сенька Ивановы с женами и наймитами трудились на наемной пустоши²⁰. В 50-х гг. дворцовый крестьянин д. Заклюки Софюшка Никитин, располагая обширными внаемными землями, использовал наемную рабочую силу. В его доме жили «работники». Ежегодно он нанимал сезонных пашенных наймитов. Будучи постоянным арендатором земли у Тихвинского монастыря, он в 1654 г. взял на оброк пустошь Мишина с пашнями и сенокосными угодьями. В июле 1654 г. на пустоши произошла ссора с помещиком Афанасием Уваровым. При этом присутствовали наймиты — «работник» Алешка и «летний най-

* Напомним, что косыба сена и вспашка монастырских пашен были обязательными феодальными повинностями вотчинных александровских крестьян.

мит» «ладожанин» — казак Мартын Лосовиков²¹. В том же 1654 г. архимандрит Иосиф уведомлял письмом давнего и исправного арендатора о возможности еще сдать ему на оброк обширные пожни с ежегодным оброком в 3 руб. серебром — на что крестьянин ответил немедленным согласием, обязавшись аккуратно вносить плату «против прежнего оброку на серебряны деньги»²². На вновь арендованную землю крестьянин, несомненно, также назовет наймитов. В приведенных примерах мы имеем дело с состоятельными крестьянами. Хозяйство дворцового крестьянина Софоски Никитина, несомненно, имело товарный характер и было тесно связано с рынком. Наличие в XVII в. слоя «капиталистских» крестьян отмечают исследователи российской деревни²³. Наемной рабочей силой для обработки пашен пользовались и бобыли. В д. Мекшевы вотчины Александро-Свирского монастыря по переписной книге 1646 года из 8 дворов 5 числились бобыльскими. Надельной пашни у них не было. Зато разрабатывали они большие площади «посекерных» пашен и сенокосов²⁴. Об одном из них портном мастере Федоре Семенове прямо указано, что он обрабатывал пашню трудом наймитов. 15 августа 1656 г. в ходе разбирательства конфликтного дела Федор Семенов сообщал, что для уборки урожая «жицы у меня были чужие с Каномы»²⁵. Таким образом, изученные материалы позволяют сделать выводы, что в условиях развития товарно-денежных отношений в России в XVII в., усиливавшегося процесса имущественного расслоения крестьянства наблюдается их массовый отход на заработки. В весенне-осеннюю пору отходники трудились в качестве сельскохозяйственных наймитов во владениях феодалов и особенно, что неоднократно подмечено исследователями, в монастырских вотчинах. Изученный материал создает убедительную картину распространения найма в монастырских хозяйствах Юга Обонежья, хозяйствах состоятельных крестьян и бобылей. В XVII в. на Юге Обонежья он приобрел характер устойчивого явления. В течение столетия возросли масштабы найма, усилился приток наемной рабочей силы из других районов страны. В их числе были не только крестьяне, но и посадские люди. Сроки найма исчислялись днями, неделями, всем периодом страды. Некоторые приходили на заработки ежегодно в течение многих лет. Систематический уход на летние заработки способствовал отрыву крестьян от земледельческого хозяйства, постепенному превращению их в людей, пополнявших рынок наемного тру-

да. Практика оформления найма, существовавшая в монастырях и крестьянских хозяйствах Юга Обонежья и осуществлявшаяся посредством письменных или устных договоров — «сговоров», которые могли быть в любое время расторгнуты, выдача денежной платы после завершения работ — способствовали укреплению отношений вольного найма. В то же время монастырские власти и состоятельные крестьяне широко пользовались авансированием, выдачей денег «в задаток» будущей работы, что ставило работника в подчиненное положение, создавало почву для злоупотреблений со стороны нанимателя. Прочные позиции продолжал занимать типично феодальный принудительный наем, связанный с хронической задолженностью крестьян и необходимостью отработки долгов. Все сказанное выше позволяет говорить о смешанных формах труда в России в XVII в. — о взаимопроникновении и переплетении принудительных и вольных форм найма и в то же время об эволюции найма в сторону возрастания доли наемного труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. — Л., 1984; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. — Вологда, 1976; Сахаров А. Н. Русская деревня в XVII в. — М., 1966; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII — начале XVIII в. — М., 1972; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. — М.-Л., 1959, а также труды Н. В. Устюгова, К. Н. Сербиной, Е. И. Заозерской, Ю. А. Тихонова, Е. И. Индовок, А. Л. Шапиро и др.
2. Архив СПб. ИИФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 1. 2; Ф. 132. — Оп. 1. 2.
3. Там же. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 9. — Л. 22—24.
4. См.: Прокофьева Л. С. Указ. соч. — С. 16—17; Сахаров А. Н. Указ. соч. — С. 92.
5. Архив СПб. ИИФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 6. — Л. 178, 179.
6. Там же. — Д. 6. — Л. 54 об., 67, 155, 180, 181, 181 об.
7. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — К. 15. — Д. 13. — Л. 259; К. 22. — Л. 1, 7; К. 24. — Д. 7. — Л. 58.
8. Там же. — Оп. 2. — Д. 6. — Л. 134, 143, 154 об., 156 об., 185, 192 об.
9. Там же. — Д. 148. — Л. 120 об.; Д. 151. — Л. 49 об.; Д. 155. — Л. 138; Д. 156. — Л. 102, 155; Д. 161. — Л. 105.
10. Там же. — Д. 160, 168. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 41. — С. 1.
11. Там же. — Оп. 2. — Д. 22. — Л. 36, 38, 57 об.
12. Там же. — Оп. 2. — Д. 40. — Л. 55, 59.
13. Там же. — Оп. 2. — Д. 148, 151, 156 и др.
14. Там же. — Д. 148. — Л. 177 об.
15. Там же. — Д. 40. — Л. 59.
16. Там же. — Д. 148. — Л. 105.
17. Там же. — Д. 148. — Л. 177 об.

18. Там же. — Д. 160. — Л. 85, 87 об., 89, 89 об.
19. Преображенский А. А. Указ. соч. — С. 180—320.
20. Архив СПб. ИИФПРИРАН. — Ф. 132. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 224.
21. Там же. — К. 3. — Д. 261.
22. Там же. — К. 3. — Д. 262.
23. См.: Копанев А. И. Указ. соч. — С. 163—191; Преображенский А. А. Указ. соч. — С. 288.
24. Архив СПб. ИИФПРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 1. — К. 1. — Д. 52, 101; К. 2. — Д. 94; К. 3. — Д. 33, 34.
25. Там же. — К. 2. — Д. 55.